

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ВОЛИ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ КОЛЛИЗИЙ НОРМ И ПРИНЦИПОВ ПРАВА

Л. Баублис

В современной юридической доктрине и практике признается, что принципы права имеют большую юридическую силу по отношению к нормам права. Это позволяет в случае коллизионности норм права разрешать правовую ситуацию на основе правовых принципов. Однако данное теоретическое правило на практике не всегда находит свое подтверждение. В этой статье мы не будем руководствоваться сентенцией «тем хуже практике», а попробуем проанализировать ряд случаев коллизии не только между правовыми нормами, но и между нормами и принципами права.

Разрешение коллизий правовых норм и принципов часто требует не только знания теории права и юридической техники, но также определенного уровня правосознания юристов и правотворческой воли законодателя.

Одним из наиболее ярких примеров роли правосознания при разрешении коллизии норм и принципов права после восстановления независимости Литвы в 1990 г. является процесс реституции национализированной советской властью собственности как в законодательных органах, так и в осуществлении правосудия Конституционным Судом Литвы. Литовское законодательство по этому вопросу менялось несколько раз в зависимости от того, какие партии получали большинство в парламенте [5]. Если это были «правые», в основном представляющие интересы пострадавших от советской власти людей (в конкретном случае – бывших собственников), закон о реституции защищал их интересы и устанавливал порядок возра-

щения национализированного имущества. Но если это были «левые», в основном представляющие интересы занимавших разные должности при советской власти людей или бывших лояльными этой власти по другим причинам, закон изменялся радикально в сторону защиты интересов фактических собственников, получивших национализированную собственность от советской власти.

Частая смена большинства в парламенте привела к тому, что потерпевшими из-за неясного юридического статуса собственности оказались обе стороны. Это характеризует правотворческую волю законодателя, который под влиянием лоббизма породил коллизию правовых норм, а также норм и принципов права

Но гораздо более важным является вопрос правосознания судей, проявляющийся в связи с неоднократными обращениями парламента по данному вопросу в Конституционный Суд Литвы [10; 11; 12]. В ходе судебного разбирательства Конституционный Суд сделал ряд базовых определений по этому вопросу. Например, в постановлении 22 декабря 1995 г. Конституционный Суд Литвы заявил, что «во время национализации и другой незаконной социализации земли, банков, основных отраслей промышленности, других активов, включая дома, оккупационные власти опровергли естественное право частной собственности человека» [11]. В постановлении Конституционного Суда от 4 марта 2003 г. указывается, что «на основании актов произвола оккупационных властей не могла появиться и не появилась законная государственная, общественная собственность, так как право не появляется из неправа. Конституционный Суд в постановлении 27 мая 1994 г. заявил, что «отнятая таким образом у людей собственность может считаться только фактически управляемой государством собственностью» [12].

Таким образом, Конституционный Суд определил национализацию как незаконное деяние и подчеркнул, что национализированная собственность не стала государственной собственностью. Из этого утверждения следует, что законными владельцами национализированной собственности остаются пострадавшие от произвола советской власти собственники, несмотря на то, что они были лишены фактического управления собственностью.

Отметим важную деталь, что Литовское государство взяло на себя обязательство защищать нарушенные права собственников, хотя, как следует из утверждения Европейского суда по правам человека, такое обязательство было добровольным, а не принудительным. Так, Суд неоднократно подчеркивал, что государство не имеет обязательства по возвращению национализированной собственности, но если оно принимает на себя этот долг, человек имеет все возможности, чтобы защищать свои права «со дня признания требования на национализированную собственность» [15]. Такое

дискретное полномочие государства подтверждает и выбор законодательной власти Беларуси не восстанавливать права национализированной собственности, который Конституционный Суд Республики Беларусь признал законным [2]. Однако Литовское государство, как уже упоминалось, не только четко и однозначно указало на национализацию как незаконный акт, но также и взяло на себя обязательство вернуть незаконно национализированную и социализированную собственность.

Однако выполнение данного неоднозначного обязательства оказалась задачей гораздо более сложной, чем само обязательство. И это касается деятельности не только законодательной, но и судебной властей. После однозначной констатации нарушения норм позитивного права и естественного права (принципов права), Конституционный Суд Литвы предпочел руководствоваться не этими принципами и нормами, а компромиссным понятием принципа справедливости.

К этому принципу нужно было обратиться по объективным причинам, поскольку, по заявлению Конституционного Суда, процесс реституции сталкивается с определенными объективными трудностями, так как «необходимо было принять во внимание тот факт, что за годы оккупации сформировались другие имущественные, социальные и экономические отношения, при которых полное восстановление прав собственности (для возвращения в исходное положение) не представляется возможным» [12]. Под «другими имущественными, социальными и экономическими отношениями» в данном случае подразумевается, что в процессе реституции появилась еще одна социальная группа с ее собственными интересами – незаконные, но фактические обладатели (арендаторы) собственности, получившие ее от советской власти. Конституционный Суд по этому поводу определил, что «не арендатор, а оккупационные власти нарушили права владельцев квартир, потому арендатор не может иметь обязательств в отношении бывшего владельца. Таким образом, при восстановлении прав собственности необходимо было учитывать интересы арендаторов, поскольку они признаются стороной, к которой претензии у собственников нет. Все обязательства владельцев согласилось выполнить Литовское государство» [11].

Как уже указывалось, несмотря на констатацию нарушения норм и принципов права, Конституционный Суд не стал решать коллизию, по крайней мере, двух правовых систем (Литовской республики – 1918–1940 гг. и Литовской ССР – 1940–1990 гг.), а обратился к принципу справедливости. Это решение можно было бы признать оправданным, если бы не то обстоятельство, что компромиссное понятие принципа справедливости стало аргументом для невыполнения требований уже ранее определенного принципа справедливости. Имеется в виду возвращение собственникам национализированного имущества как следствие выполнения государством добровольно взятого на себя обязательства. Таким образом, различ-

ное толкование принципа справедливости привело к неоднозначному его использованию.

Конституционный Суд так разъяснил принцип справедливости: «одна из главных целей права как регулятора социальной жизни – справедливость. Она является одной из наиболее важных моральных ценностей и фундаментом правового государства. Стремление к справедливости и правовому государству закреплено в преамбуле Конституции. Оно может быть реализовано при обеспечении баланса интересов, при избегании произвола и случайности общественной жизни, нестабильности, конфронтации интересов. Справедливость не может быть достигнута путем признания интересов только одной группы или одного человека, при этом отрицая другие интересы» [11]. В данном случае рассматриваемый принцип требует, чтобы конфликт между сторонами – владельцами и арендаторами был решен при удовлетворении обоюдных интересов и нахождении баланса между ними. Таким образом, справедливость требует, чтобы владельцам право собственности не было бы восстановлено в полном объеме до того времени, пока не будут обеспечены права арендаторов.

Известно, что неопределенность толкования открывает возможность рассматривающему спор лицу принять решение, руководствуясь не только правовыми, но и другими основаниями, что и произошло в данном случае. Компромиссное понятие справедливости позволило Литовскому государству во многих случаях до сих пор, по прошествии 20 лет, не возвращать законным владельцам их собственность.

Этот факт можно назвать проблемой реализации правосознания не только потому, что он открыл возможность произвольного, а не строго правового действия власти, но и потому, что в других случаях Конституционный Суд принял гораздо более однозначное определение принципа справедливости, например, как соответствующий ответ на тяжелое нарушение правовых ценностей [9] и др. [1]. В данном случае национализацию собственности сам Суд назвал тяжелым нарушением правовых ценностей, но этого определения было недостаточно для принятия решения.

Существует ряд иных, схожих с анализируемой ситуацией, случаев влияния правосознания и правотворческой воли на разрешение коллизии правовых норм и принципов. Так, одной из презумпций гражданского права Литвы является бездоказательственное объявление правонарушителями лиц, признанных «вором», «мошенником», «пьяницей». Эта презумпция основана на решении Сената Верховного Суда Литвы от 15 мая 1998 г. [8]. Несмотря на нее, суды принимают противоположные решения, особенно в процессах политического характера [7].

Ряд коллизий разных систем права связан с довоенными и послевоенными сталинскими репрессиями [13; 14]. Несмотря на их признание неза-

конными, суды часто не принимают соответствующих решений о присуждении компенсации пострадавшим и наказании виновных. Аргументами вынесения соответствующего решения часто являются ссылки на коллизию разных систем права.

Интересный аспект коллизии систем права Литвы и СССР выявился в недавнем решении парламента Литвы признать единственно законной властью в 1949 г. (фактическое действие Литовской ССР) «Литовское движение борьбы за свободу», а его руководителя – законным Президентом Литовской Республики [4]. Понятно, что это в большей степени решение политической воли, которое основывается не на нормах, а в лучшем случае – на принципах права. Но главной правовой проблемой этого решения является не указанная коллизия систем права Литвы и СССР, а ее оценка юристами Литвы. Самый громкий голос имели те, которые не могли понять и признать правовой характер этого решения ни в правотворческом комитете парламента [4], ни в доктрине права [6]. Считаем, основываясь на указанных и многих других примерах юридической практики и правотворчества (например, «Законе Литовской Республики о возмещении ущерба во время оккупации СССР» [3]), что такое решение не должно быть такой непреодолимой проблемой для правосознания юристов.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что для постсоветских государств актуальным является взаимодействие правосознания юридического корпуса, правотворческой воли парламента в выработке стратегии разрешения социальных конфликтов, которые переходят в плоскость конфликта общих принципов права и конкретных норм, принятых в том числе под влиянием лоббизма. Право в таком случае может выступать орудием достижения интересов только одной стороны, что без учета сложности ситуации может породить и порождает рост социального напряжения.

Литература

1. *Баублис, Л.* Правосудие в восстановлении имущественных прав в Литве. Догма конституционного права / Л. Баублис // Бюллетень Конституционного Суда Литовской республики. – 2008. – № 1 (9). – С. 322–338.
2. Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2005. – № 4.
3. Закон Литовской Республики о возмещении ущерба во время оккупации СССР // Вести государства. – 2000. – № 52 – 1486.
4. Закон Литовской Республики о признании единственной законной властью в 1949 г. «Литовское движение борьбы за свободу» // Вести государства. – 2009. – № 30 – 1166.
5. Закон Литовской Республики о реституции национализированной советской властью собственности // Вести государства. – 1991. – № 21 – 545.
6. *Курис, Э.* Посчитайте до трех или был ли в Литве король Витаутас / Э. Курис // Лицо. – 2009. – № 17. – С. 70.

7. Постановление Верховного Суда Литвы, 10 января 2005 г. // Верховный Суд Литвы [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.lat.lt/4_tpbuuletieniai/senos/nutartis.aspx?id=27663. – Дата доступа: 10.10.2011.
8. Постановление Верховного Суда Литвы, 15 мая 1998 г., № 1 // Верховный Суд Литвы [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: http://www.lat.lt/4_tpbuuletieniai/senos/nutartis.aspx?id=26782. – Дата доступа: 10.10.2011.
9. Решение Конституционного Суда Литовской Республики, 15 декабря 1993 г. // Конституционный Суд Литвы [Электронный ресурс]. – 1993. – Режим доступа: <http://www.lrkt.lt/dokumentai/1993/n311213a.htm>. – Дата доступа: 10.10.2011.
10. Решение Конституционного Суда Литовской Республики, 15 июня 1994 г. // Конституционный суд Литвы [Электронный ресурс]. – 1994. – Режим доступа: <http://www.lrkt.lt/dokumentai/1994/n410615a.htm>. – Дата доступа: 10.10.2011.
11. Решение Конституционного Суда Литовской Республики, 22 декабря 1995 г. // Конституционный суд Литвы [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: <http://www.lrkt.lt/dokumentai/1995/n511222a.htm>. – Дата доступа: 10.10.2011.
12. Решение Конституционного Суда Литовской Республики, 4 марта 2003 г. // Конституционный суд Литвы [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.lrkt.lt/dokumentai/2003/n030304.htm>. – Дата доступа: 10.10.2011.
13. *Синкявичюс, Д.* Для дочери в КГБ убитого партизана – 150 тыс. литов / Д. Синкявичюс // www.Delfi.lt [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/keg-nuzudyto-partizano-dukrai-150-tukst-lt.d?id=13573424> – Дата доступа: 10.10.2011.
14. *Синкявичюс, Д.* За депортации в Сибирь – 5 лет в колонии / Д. Синкявичюс // www.Delfi.lt [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/article.php?id=17464571>. – Дата доступа: 10.10.2011.
15. *Швилпайте, Э.* Упущенные возможности: защита собственности в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека. Первый протокол / Э. Швилпайте // Юстиция. – 2005. – № 1 (55). – С. 44.